PROJECT MUSE®

Выходцы из советского
инкубатора: советская гегемония
и социалистический строй в
Центрально-Восточной Европе

Дитрих БАЙРАУ

Ab Imperio, 4/2011, pp. 203-235 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0017>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467007>

Дитрих БАЙРАУ

**ВЫХОДЦЫ ИЗ СОВЕТСКОГО ИНКУБАТОРА:
СОВЕТСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ***

Введение

В данной статье рассматривается значение Советского Союза в качестве модели государственной и общественной трансформации стран Центрально-Восточной Европы. В 1944–1945 гг. как Западная, так и Восточная Европа превратились в объекты интереса супердержав, хотя этот интерес и проявлялся в разных формах. Действия Советского Союза и Запада по отношению к завоеванным и освобожденным территориям были предопределены структурами, сформированными в отдельно взятых гегемонах, в нашем случае – в Советском Союзе 1930-х годов.

Отличительным признаком Союза Советских Социалистических Республик являлась централизованная диктатура партии и перевес русского центра. В Москве находился весь управленческий аппарат

* Перевод с немецкого Екатерины Махотиной. Немецкоязычная версия статьи вышла как: Dem sowjetischen Brutkasten entwachsen... Sowjetische Hegemonie und sozialistische Staatlichkeit in Ostmitteleuropa // Jana Osterkamp, Joachim von Puttkamer (Hg.). Sozialistische Staatlichkeit. München, 2012. S. 19–44.

и ответственные за политические решения инстанции, которые определяли степень свободы действий в республиках и областях. Союз образовывал своеобразную “имперскую формацию”, направленную на координирование нациестроительства и имперского господства.¹ Проведя форсированную индустриализацию, Сталин превратил СССР в мощное фордистское государство, основанное на планировании, демографическом и социально-политическом интервенционизме (и терроре), на контроле и управлении ресурсами на собственной, все более изолирующейся от внешнего мира территории. Сталинская система своеобразными способами реализовывала многие из тех элементов, которые на рубеже столетий приписывались марксистской теорией монополитистическому капитализму и империализму. До 1944 года значимым отличием советского империализма от “классического” являлся тот факт, что накопление, хищническое хозяйствование и эксплуатация проводились прежде всего внутри страны – если рассматривать Советский Союз как внутреннее пространство.² В укреплении восточноевропейского “передового рубежа” Сталин видел территориальное расширение собственной меркантилистско-фордистской державы. Политические структуры на освобожденных территориях, за исключением Финляндии и Австрии, предполагалось привести в соответствие с советскими стандартами, а в очень скором времени должно было произойти и экономическое включение “передового рубежа” в расширенную “имперскую формацию”. На начальном этапе эта формация определялась как “лагерь мира”, затем как “социалистический лагерь”, а начиная с хрущевских времен чуть более миролюбиво – как “мировая система социализма”.

Смена вышеприведенных терминов иллюстрирует изменения в самовосприятии коммунистических элит: “лагерь” в официальной риторике означал безусловно не ГУЛАГ (такие ассоциации были скорее у противников социализма), а военный лагерь социалистических стран, составляющих единый “блок”. Это выражение – “Восточный блок” – широко употреблялось на Западе. Согласно “теории двух лагерей”

¹ Ann Laura Stoler. Refiguring Imperial Terrains // Ann Laura Stoler (Ed.). Imperial Formations. Santa Fé, 2007. Pp. 3-44.

² Charles Maier. Consigning Twentieth Century to History // American Historical Review. 2000. Vol. 105. No. 5. Pp. 807-831; Lutz Raphael. Ordnungsmuster der “Hochmoderne”? Die Theorie der Moderne und die Geschichte der europäischen Gesellschaften im 20. Jahrhundert // Lutz Raphael & Ute Schneider (Hrsg.). Dimensionen der Moderne. Festschrift für Christoph Dipper. Frankfurt a. M., 2008. S. 73-91.

Андрея Жданова, “социалистический блок” занимал оборонительную позицию перед лицом империализма.

Термин “мировая система социализма” впервые появился в программе КПСС 1961 года и вошел в советскую конституцию 1977 года. Понятие “лагеря” как воинствующей революционной структуры, таким образом, сменилось идеей соперничества систем (“мирное сосуществование”) и миссии по отношению к стремящимся к независимости колониям. Впоследствии Советский Союз репрезентировал собой мировую социалистическую систему, понимаемую как альтернатива империализму и прогрессивная перспектива для “третьего мира”. “Мировая система социализма” – понятие, охотно употребляемое и в Советском Союзе, выражало больше, нежели только политическую идею-фикс: оно содержало в себе эволюционную динамику “развитого социализма” и утверждало его “закономерность”. Само собой разумеется, что социалистические “братские страны” должны были принимать в этой эволюции активное участие как партнеры.³

Настоящая статья далеко не первая попытка осмысления элементов приспособления политической, экономической и общественных сфер стран Центрально-Восточной Европы к советской модели и динамики их изменений после 1956 г. Однако если предыдущие исследования были в основном посвящены фазам насильственного подчинения,⁴ меня интересует прежде всего фаза переопределения отношений с Москвой после 1953–1955 гг., когда эти отношения претерпевали изменения, но продолжали сохранять присущий им асимметричный характер. Я не стремлюсь к исчерпывающему обзору всех аспектов советизации и ограничусь сферами, наиболее тесно связанными с “социалистическим строем”. Вначале я обращусь к анализу изменений в центрально-восточноевропейских государствах, осуществлявшихся в

³ Boris Meissner. *Das Programm der KPdSU 1903–1961*. Köln, 1962. S. 47–56; Robert Skarlet. *The New Soviet Constitution of 1977* // Erik P. Hofmann, Robbin F. Laird (Eds.). *The Soviet Polity in the Modern Era*. New York, 1984. Pp. 247–291; Stefan Plaggenborg (Hg.). *Handbuch de Geschichte Russlands*. Bd. 5. 1. Halbband. Stuttgart, 2002. S. 456–461.

⁴ Leonid Gibianskij. *Die Bildung des Sowjetblocks in Osteuropa. Ziele, Strukturen, Mechanismen (1944–1949)* // Forum. Zeitschrift für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. H. 2. S. 205–225; Norman Naimark, Leonid Gibianski (Eds.). *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe 1944–1949*. Boulder, CO, 1997; Robert B. Pynsent (Ed.). *The Phoney Peace. Power and Culture in Central Europe 1945–1949*. London, 2000; Vladimir Tismaneanu (Ed.). *Stalinism Revisited. The Establishment of Communist Regimes in East Central Europe*. Budapest, 2009.

рамках советской гегемонии до и после 1953–1956 гг. Особое внимание при этом я уделяю партии и вооруженным силам, на которых держалась социалистическая государственность и суверенитет. Третьим столпом системы был аппарат государственной безопасности – “щит”, “меч”, “око и ухо” партии. В историографии этот аспект исследован только фрагментарно, что предопределяет его маргинальное обсуждение и в данной статье.⁵ Далее я обращусь к аспектам советизации обществ, обусловленным особенностями трансфера и адаптации советской модели. Особое внимание при этом уделяется партийным “функционалам”, т.е. номенклатуре, и рядовым членам – “партийной массе”. Влияние трансфера и адаптации советской модели на более широкие общественные слои будет рассмотрено на примере такой, казалось бы, далекой от политики сферы, как семья. В заключительной части речь пойдет о симптомах и причинах крушения социалистического порядка в условиях двойной зависимости от советской гегемонии и задолженности перед Западом.

Результатом советского диктата при преобразовании государств Центрально-Восточной Европы было возникновение целого ряда основополагающих структурных характеристик, описанных еще классической теорией тоталитаризма 1950-х гг. Речь идет о типе господства, основанном на диктатуре партии (несмотря на формально многопартийную систему)⁶ в рамках так называемого национального, демократического или объединенного фронта, на политическом контроле за средствами массовой информации, на терроре и атомизации общества. Введение плановой экономики с упором на тяжелую промышленность и индустрию средств производства, коллективизация сельского хозяйства и пренебрежение к продуктам широкого потребления также составляли советскую модель.

Лучше всего в историографии изучено политическое взаимодействие между коммунистическими руководствами социалистических стран по вопросам “большой политики” и стратегически важных

⁵ Krzysztof Persak, Łukasz Kamiński (Eds.). *A Handbook of the Security Apparatus in East Central Europe 1944–1989*. Warsaw, 2005; см. также: Krzysztof Persak, Łukasz Kamiński (Eds.). *Czekisci. Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego 1944–1949*. Warszawa, 2010.

⁶ Сталин в разговоре с Болеславом Берутом и Эдвардом Особка-Моравски 24 мая 1946 года: Оппозиционные партии в новых демократиях могли критиковать, но не стремиться к власти. Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1: 1944–1948 / Под ред. Т. В. Волокитина и др. Москва и Новосибирск, 1998. С. 458–459.

решений, особенно в периоды угрожавших социалистической системе кризисов 1956, 1968 и 1980–1981 гг.⁷ В последние десятилетия исследовательский интерес переключился на проблемы социальной и культурной истории.⁸ Но даже при обращении к таким темам, как труд, семья, досуг или архитектура, в историографии с трудом преодолевается макрополитическая перспектива, контуры которой задают идеологические притязания Москвы и партийного руководства социалистических стран.

Взаимопроникновение власти и общества стало актуальной и интересной проблемой в контексте изучения повседневности и жизненных миров населения самое позднее с появлением теоретических концептов Мишеля Фуко. Подходы и методология субалтерных исследований кажутся чрезвычайно подходящими для изучения данных вопросов. Однако, несмотря на экстремальную аккумуляцию власти в советской политической модели и некоторые колониальные практики, обнаруживающиеся в сталинской системе взаимоотношений между Советским Союзом, народными демократиями и позднее социалистическими странами, эти отношения невозможно описать как отношения между колониями и гегемоном. Но и в этом случае речь идет о поднимаемых субалтерными исследованиями вопросах многомерности отноше-

⁷ До сих пор сохраняют свою актуальность: Francois Fejtö. *Geschichte der Volksdemokratie*. Bd. 1-2. Wien, 1972; Jens Hacker. *Der Ostblock. Entstehung, Entwicklung und Struktur*. Baden-Baden, 1983; Joseph Rothschild. *Return to Diversity. A Political History of East Central Europe since World War II*. Oxford, 1989; Hans Lemberg u. a. (Hrsg.). *Sowjetisches Modell und nationale Prägung. Kontinuität und Wandel in Ostmitteleuropa nach dem Zweiten Weltkrieg*. Marburg, 1991; Jan Foitzik (Hg.). *Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand*. Paderborn, 2001; Hendrik Bispinck, Jürgen Danyel, Hans-Hermann Hertle, Hermann Wentker (Hrsg.). *Aufstände im Ostblock. Zur Krisengeschichte des realen Sozialismus*. Berlin, 2004.

⁸ Aman Anders. *Architecture and Ideology in Eastern Europe of the Stalin Period. From the History of the Cold War*. Stockholm, 1987; Katherine Verdery. *What was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, 1996; Christoph Boyer, Peter Skyba (Hrsg.). *Repression und Wohlstandsversprechen. Zur Stabilisierung von Parteiherrschaft in der DDR und der ČSSR*. Dresden, 1999; Andreas Pribersky, Berthold Unfried (Hrsg.). *Symbole und Rituale des Politischen. Ost- und Westeuropa im Vergleich*. Frankfurt a. M., 1999; David Crowley, Susan E. Reid (Eds.). *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*. New York, 2000; Eadem (Eds.). *Socialist Spaces. Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford, 2002; Silke Satjukow, Rainer Gries (Hrsg.). *Sozialistische Helden. Die kulturgeschichtliche Anatomie von Propagandafiguren*. Berlin, 2002; Christiane Brenner, Peter Heumos (Hrsg.). *Sozialgeschichtliche Kommunismusforschung. Tschechoslowakei, Polen, Ungarn und DDR. 1948–1968*. München, 2005.

ний субординации или воспроизводства субалтерности, о реальном воздействии центральных и посреднических инстанций власти, об автономности эксплицитных или скрытых посланий подчиненных, а также в целом об их интеракции с властью.⁹ В той или иной степени эти вопросы освещаются в исследованиях советской повседневности и жизненных миров.¹⁰

Неоспорим тот факт, что “братские страны” находились в условиях зависимости от СССР, хотя характер и интенсивность отношений претерпевали изменения в течение десятилетий. Это, однако, не означает, что “периферия”, употребляя понятие постколониальных исследований, не оказывала влияния на центр. Если глубже анализировать творческий элемент в освоении предписанного социализма, следует обратиться к культурному, материальному и политическому влиянию восточно-европейского “передового рубежа” на советское общество. В общих чертах нам известно обратное воздействие на СССР событий 1956, 1968, 1980–1981 гг.,¹¹ но мало изучены аспекты научного, культурного и туристического обмена. Это касается и руководящих партийных сфер среднего звена. Целый спектр соответствующих тем ждет своего исследователя.

1. От подчинения к ограниченному суверенитету

Венгерский либерал и эмигрант Оскар Яши охарактеризовал трансформацию государства и общества в Венгрии времен советской оккупации как “рождение в советском инкубаторе”; он лично ощущал, что живет в некой “демократии чревоушителей”.¹² То, что Оскар Яши скорее чувствовал, чем анализировал, была искусственность демократическо-революционной фразеологии, употреблявшейся коммунистами

⁹ James Scott. *Domination and the Arts of Resistance. The Hidden Transcripts of Subordinate Groups*. New Haven, 1990; Vinayak Chaturvedi (Ed.). *Subaltern Studies and the Postcolonial*. London, 2000.

¹⁰ Ulf Brunnbauer. “Die sozialistische Lebensweise”. *Ideologie, Gesellschaft, Familie und Politik in Bulgarien (1944–1989)*. Köln, 2007. Бруннбауер, однако, полностью исключает в своем исследовании партию.

¹¹ Dietrich Beyrau. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985*. Göttingen, 1983. S. 171–172; Elizabeth Teague. *Solidarity and the Soviet Worker. The Impact of the Polish Events of 1980 on Soviet Internal Politics*. London, 1988.

¹² György Litván. *A Twentieth Century Prophet: Oscar Jászi 1875–1957*. Budapest, 2006. Pp. 462, 457.

не только в Венгрии. Особенно наглядно это проявлялось в сравнении с революционными переменами, последовавшими после Первой мировой войны. Победа Советского Союза над национал-социалистической Германией привела к столь же глубоким изменениям, но, по сравнению с 1918–1920 гг., они были порождены не внутренними, а внешними причинами. Собственные или приезжие коммунисты различными темпами приводили в исполнение нормативные распоряжения советской власти. Под лозунгами, пропагандирующими дружественный советский режим, антифашизм, народную демократию, новую демократию и в конечном счете социализм, осуществлялось отчуждение собственности у эксплуататоров, реакционеров и “фашистов”, проводились земельные реформы, лишались власти политические конкуренты. Важнейшие должности в управленческом аппарате стран Центрально-Восточной Европы заполнялись собственными кадрами. На языке современников это называлось “завоеванием” демократии (В. Гомулка).¹³

Между 1949 и 1953–1954 гг. эти страны проходили в своем развитии то, что Советский Союз пережил в 1930-е гг.: здесь развернулись форсированная индустриализация и террор – как против “врагов народа”, так и против “уклонившихся” товарищей. Политика “хирургического вмешательства” включала в себя экспроприации, земельные реформы и репрессии всех видов (включая принудительный труд и депортации), вплоть до первых шагов в направлении коллективизации сельского хозяйства. За исключением Польши, в других странах этот процесс продолжался до начала 1960-х гг.¹⁴

В период сталинизма (до 1953–1956 гг.) отношения между Сталиным и его коммунистическими сподвижниками выстраивались отчасти добровольно, а отчасти в результате принуждения. В условиях зависимости от Москвы быстрота и радикальные способы прихода коммунистических партий к власти объясняются прежде всего тем, что их поддерживали в собственных странах. Кроме того, объяснение нужно искать в стратегическом положении отдельно взятых государств в начинающейся холодной войне.

¹³ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 / Ред. Г. Мурашко: В 2 т. Москва, 1997. Т. 1. С. 454.

¹⁴ Stefan Creuzberg, Manfred Görkemaker (Hrsg.). Gleichschaltung unter Stalin? Entwicklung der Parteien im östlichen Europa 1944–1949. Paderborn, 2002; T. Wolokitina, G. Muraschko, A. Noskowa. Das Zentralkomitee der WKP(B) und das Ende der “nationalen Wege” zum Sozialismus // Jahrbuch für Historische Kommunismus-Forschung. 1994. Bd. 2. S. 9–37; Татьяна Волокитина и др. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. Очерки истории. Москва, 2002.

Зондирование почвы относительно возможности обеспечения власти СССР на восточноевропейском “передовом рубеже” началось со знаменитых договоров о процентном разделении сфер влияния в Юго-Восточной Европе с Черчиллем (октябрь 1944 г.) и завершилось основанием Коминформа (сентябрь 1947 г.) и коммунистическим переворотом в Праге (февраль 1948 г.). Далее со стороны СССР последовали требования военно-политического характера, выдвинутые на фоне конфронтации с Западом и “отщепенства” Югославии. Бывшие враждебные и дружественные государства Советского Союза должны были принимать посильное участие в восстановлении и вооружении гегемона. Несмотря на демонстративную поддержку СССР своих новых союзников, выражавшуюся, например, в поставке им зерна, вопреки голоду в собственной стране, эту фазу можно считать периодом эксплуатации Советским Союзом соседних государств. Элементами этой эксплуатации являлись репарационные платежи, возникновение и развитие советских акционерных обществ на базе бывшего имущества немцев в Венгрии, Румынии и Австрии, насильственное формирование так называемых смешанных обществ, которые выводили из-под национального контроля целые отрасли индустрии. Также важным моментом являлась переориентация торговых потоков и промышленного производства на потребности Советского Союза, в том числе манипуляция условиями торговли.¹⁵ Наконец, интернированное мирное население, по большей части этнические немцы из Венгрии, Румынии и Польши, были задействованы в восстановительных работах в Советском Союзе.¹⁶

То, что практиковалось советской стороной в первое послевоенное десятилетие, соответствовало конвенциональному представлению о праве победителя на возмездие и прежде всего на контрибуции, возложенные как на побежденных, так на освобожденных. Элементы колониализма можно было бы усмотреть в советских кампаниях против “низкопоклонства” перед Западом и в возвышении русской науки и культуры. Но их влияние в народных демократиях было скорее мар-

¹⁵ Jan Marczewski. Planification et croissance économique des démocraties populaires. Paris, 1956; Nicolas Spulber. The Economics of Communist Europe. New York, 1957; Rainer Karlsch (Hg.). Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944–1949. Berlin, 2002; Rainer Karlsch, Zbynek Zeman. Urangheimnisse. Das Erzgebirge im Brennpunkt der Weltpolitik 1933–1960. Berlin, 2003; László Borhi. Hungary in the Cold War 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004. Pp. 139–174.

¹⁶ Josef Wolf. Deutsche Zwangsarbeiter aus Ostmittel- und Südosteuropa in der Sowjetunion, 1945–1949. München, 2005.

гинальным. Если бы речь изначально шла о колониальном проекте, то советская модель прогресса не пропагандировалась бы как образец и от национальных партий не требовали бы ее реализации.

Итак, побежденные страны и страны-союзники должны были внести вклад в вооружение СССР против Запада и Югославии. “Кадры”, на которые полагался Сталин, состояли большей частью из эмигрантов, а в странах-союзниках из борцов сопротивления и подполья. Их самосознание, специфический стиль работы и деятельности в жестких условиях послевоенного времени, а также жестокие, иногда смертельные схватки с политическими конкурентами коренились в их прошлом опыте. К тому же в Польше, Румынии и Венгрии среди партийных активистов было много евреев. Те из них, кто выжил в политической эмиграции и с трудом избежал советского террора, были скомпрометированы и подвергались частым унижениям. Благодаря существованию стереотипа еврея как коммунистического агента Москвы, коммунисты-евреи в собственных странах оставались на подозрении. Этот стереотип был, в частности, широко распространен в межвоенной Польше, о чем свидетельствуют понятия “фольксфронт” и “жидокоммуна”. Национал-социалистическая пропаганда успешно использовала этот стереотип. Существовавшая в обществе неприязнь делала новых партийных руководителей еще более зависимыми от Москвы, где знали об этой ситуации и часто пользовались ею.¹⁷ Даже если об этом не говорилось в открытую, члены партии, евреи и не евреи, осознавали наличие скрытого напряжения. Как шутил один польско-еврейский коммунист по поводу заметного присутствия евреев среди сотрудников аппарата госбезопасности: “Дать по зубам Стасеку мог только Стасек, не Моисей”.¹⁸

Коммунистическая программа: Модернизация и национализм

Насколько узким был диапазон свободных действий политиков различного уровня, показывает их роль в переговорах и совещаниях в Москве. Их выступления походили на рапорты назначенных наместников

¹⁷ Charles Gati. Hungary in the Soviet Bloc. Durham, 1986. Pp. 33 и след., 38, 100-107; Волокитина. Восточная Европа. С. 267-270; Jaff Schatz. The Generation. The Rise and Fall of the Jewish Communists of Poland. Berkeley, 1991; СССР – Польша. Механизмы подчинения 1944–1949 / Ред. Геннадий Бордюгов и др. Москва, 1995. С. 51-52, 274; Raphael Patai. The Jews of Hungary. Detroit, 1997. Pp. 604-651.

¹⁸ Teresa Toranska. Die da oben. Stalinisten zum Sprechen gebracht. Köln, 1987. S. 129.

государю. Выступая в амплуа “хозяина”, Сталин, например, развлекался тем, что напоминал венгерскому премьер-министру, руководителю антикоммунистической Партии малоземельных земледельцев, что тот представляет независимое государство.¹⁹

Если учитывать антипатию к коммунизму во всех странах региона, кроме Чехословакии, быстрый рост коммунистических партий после 1945 г. следует объяснять не только оппортунизмом, но и тем, что коммунисты воспользовались распространенными в обществе ожиданиями радикальных перемен.²⁰ “Заказ” на перемены выполнялся в форме односторонней индустриализации советского типа, импорта стахановского движения, а позднее, в более умеренных формах, “соцсоревнования” и постройки городов по примеру Магнитогорска (Сталинштадт в ГДР, Сталинварош в Венгрии, Нова Хута в Польше и др.). Акцент делался на производстве средств производства, т. е. на так называемом промышленном секторе А. Во всех странах эти изменения стимулировали быстрое выдвижение людей из ранее субалтерных слоев населения и одновременно ускоренную “пролетаризацию” и стигматизацию тех, кто принадлежал к социальной прослойке буржуазных и имущих слоев (там, где они еще существовали, — прежде всего, в Венгрии, Чехословакии и Румынии). Таким образом возникали новые лояльности, а с распространением практик маркировки врагов ширилось и соучастие в новой власти.

Немецкий фактор

Еще один фактор связывал коммунистов и некоммунистов с Москвой — немецкий. Хотя в качестве освободителей повсеместно предпочитали американцев или британцев,²¹ Советский Союз, в отличие от немецких оккупационных властей, предлагал своим вассалам перспективу прогрессивного развития. Правда, при этом он прибегал к эксплуатации и репрессиям. Москва предлагала защиту и от внушавшего страх немецкого ревизионизма и реваншизма, что воспринималось как серьезная опасность вплоть до 1960–1970-х гг. Эта опасность, без сомнения, дисциплинировала Восточный блок. Войцех Ярузельский

¹⁹ Волокитина. Восточная Европа. Т. 1. С. 408.

²⁰ Gati. Hungary. P. 71; Eva Schmidt-Hartmann (Hg.). Kommunismus und Osteuropa. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel. München, 1994; Andrzej Werblan. Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2002. S. 93–94, 103–107.

²¹ Geir Lunstad. The American Non-Policy Towards Eastern Europe, 1943–1947. Tromsø, 1978.

писал в связи с интервенцией стран Варшавского договора в Чехословакию о том, что “немецкая угроза” все еще “реальна” и что поэтому вооруженное вмешательство имело оправдание. В своих оценках он был не одинок.²²

По примеру Советского Союза, после Второй мировой войны все коммунистические партии расстались с “интернационалистическим” прошлым и восприняли националистические цели, которые, по крайней мере с 1930-х гг., пропагандировались буржуазными партиями. Общим идеалом стало этнически гомогенное государство. Вторым конституирующим фактором, вызванным к жизни преступлениями нацизма, была враждебность по отношению к немцам и Германии. Официально, однако, объектом этой враждебности являлась лишь ФРГ как правопреемник Третьего рейха.²³ В этой связи можно говорить о параллелях с советской политикой – ведь Москва в той или иной степени поддерживала или терпела строительство этнически однородных государственных образований в рамках Союза Советских Социалистических Республик. Не случайно жертвами массовых депортаций после Великой Отечественной войны были не “классовые враги”, а прежде всего этнические меньшинства.

Коммунистическое и некоммунистическое движения сопротивления в равной мере реагировали на немецкую оккупацию и проводимую политику расового истребления усилением националистических настроений. Это привело к устранению этнических немцев в освобожденных от оккупации странах и к осуществлению планов этнической гомогенизации (за исключением Румынии). В Советском Союзе такая политика проводилась в западных республиках (Литва, Белоруссия и Украина). До, во время и после войны она была направлена прежде всего против немцев, а впоследствии и против многочисленных польских меньшинств. В самой Польше объектами этнической чистки стали, кроме немцев, украинцы, а в Чехословакии – венгры.

После депортации немцев и перехода в собственность государства немецких земель, коммунисты Польши, Чехословакии и Венгрии смогли накопить и распределить полученные ресурсы среди населения

²² Wojciech Jaruzelski. *Mein Leben für Polen. Erinnerungen*. München, 1992. S. 173.

²³ Edmund Dmitrow. *Niemcy i okupacja hitlerowska w oczach Polaków: Poglądy i opinie z lat 1945–1948*. Warszawa, 1987; Paweł Zaremba. *Komunizm, legitymacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymacja władzy komunistycznej w Polsce*. Warszawa, 2001; Mathias Beer (Hg.). *Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat: Europa in Geschichte und Gegenwart*. Tübingen, 2007; Christiane Brenner. “Zwischen Ost und West”. *Tschechische politische Diskurse 1945–1948*. München, 2009.

своих разоренных стран. Экспроприация немецких владений и немецкого имущества – в том случае, если оно не досталось Советскому Союзу, – породило комплекс соучастия, чем и пользовались местные коммунисты.²⁴ Особенно это относится к земельным реформам. Были и особые ситуации, как в случае с новыми польскими западными территориями, которые использовались для заселения солдатами, репатриантами и поселенцами из Центральной Польши.

Связующая сила антинемецких настроений ослабевала в течение следующих десятилетий. События “пражской весны” стали возможны только после изменения отношения к ФРГ, которую перестали воспринимать как угрозу. И не случайно массовые волнения в Штеттине и Гданьске в декабре 1970 г. начались после подписания Варшавского договора, т.е. после фактического признания ФРГ польской западной границы.

Асимметричный “диалог” партийной элиты

Смерть Сталина, “оттепель” в Советском Союзе, кризисы в Венгрии и Польше 1956 г. положили конец подчинению коммунистических партийных лидеров Восточной Европы диктату Москвы, однако они вряд ли привели к изменениям в структурной гегемонии Советского Союза. Москва пыталась выстраивать отношения в форме диалога. Это стало очевидно во время переговоров с Гомулкой в 1956 г., когда советская сторона, не переставая угрожать, все-таки пошла на уступки некоторым требованиям польской стороны. Интервенция в Венгрию обсуждалась в 1956 г. со всеми значимыми партийными руководителями, в том числе с представителями Китая и Югославии. Молчаливое неодобрение Гомулкой ввода войск в Венгрию не повлекло за собой последствий.²⁵ В противостоянии с Китаем советская сторона хлопотала

²⁴ Michael G. Esch. “Gesunde Verhältnisse”. Deutsche und polnische Bevölkerungspolitik 1930–1950. Marburg, 1996; Helga Schultz (Hg.). Bevölkerungstransfer und Systemwandel. Ostmitteleuropäische Grenzen nach dem Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1998; Werblan. Stalinizm. P. 94; Jan T. Gross. Fear Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. An Essay in Historical Interpretation. New York, 2007; Norbert Spannenberger. Assimilation oder Ausweisung: Optionen des Umgangs mit den deutschen Minderheiten in Ungarn nach 1945 // Mathias Beer u. a. (Hrsg.). Deutschein als Grenzerfahrung. Minderheitenpolitik in Europa zwischen 1914 und 1950. Essen, 2009. S. 305–322.

²⁵ Mark Kramer. The Soviet Union and the 1956 Crisis in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. No. 2. Pp. 163–214.

о морально-идеологической поддержке внутри и за пределами “социалистического лагеря”. Оккупация Чехословакии в 1968 г. последовала за формальной договоренностью внутри Варшавского пакта.²⁶ Договор о введении военного положения в Польше также был согласован Москвой с Варшавой. В последнем случае протектор должен был оказать значительное давление на протееже.²⁷

Прекратилась практика открытого вмешательства советских функционеров в партийную политику в форме показательных процессов или, что происходило реже, советских советников и специалистов в работу гражданских и военных институтов Центрально-Восточной Европы. После 1956 г. их заменили неформальные “агенты” и наблюдатели. Однако Москва сохранила за собой право голоса при распределении ведущих постов. Несмотря на это, советская сторона относилась к самостоятельности “братских государств” с большим уважением.

Очевидный отказ от открытого вмешательства компенсировался межгосударственными билатеральными военными договорами (заключенными в основном в сталинское время), а потом – созданием Совета Экономической Взаимопомощи, а также Варшавского договора. Важнее формальных межгосударственных договоренностей были постоянные контакты, согласования и регулировка языковой нормы между партийным руководством соцстран. Обучение партийных кадров и военных из социалистических стран, а также возможности получения профессионального и академического образования в Советском Союзе облегчило координирование общественного развития и создало основания для общей социализации. Роль догматических принципов, которая еще была высока во время советско-китайского конфликта, уменьшилась в течение следующих десятилетий, хотя пустые риторические формулы продолжали существовать в общественной сфере.

Кроме того, советская гегемония была закреплена в конституциях государств Центрально-Восточной Европы, которые в 1970-х гг. все, за исключением Румынии, содержали положения о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом и принцип “пролетарского” или “соци-

²⁶ Jiri Valenta. *Soviet Intervention in Czechoslovakia 1968. Anatomy of a Decision*. Baltimore, 1991 (2nd ed.); Jan Pauer. *Der Einmarsch des Warschauer Paktes*. Bremen, 1993.

²⁷ Mark Kramer. *Die Sowjetunion, der Warschauer Pakt und blockinterne Krisen während der Breznev-Ära* // Torsten Diedrich, Winfried Heinemann, Christian F. Ostermann (Hrsg.). *Der Warschauer Pakt. Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991*. Berlin, 2009. S. 273-336, особенно: S. 313-315.

алистического интернационализма”. Даже Румыния придерживалась “социалистического интернационализма”, а Советский Союз определял себя в конституции 1977 г. как звено “мировой социалистической системы” и принимал на себя “интернациональный долг”.²⁸ Только в Польше протестные настроения давали себя знать. Так авторы “Манифеста 59” от 5 декабря 1975 г.²⁹ выступали против “непоколебимой братской связи с Советами” и “ведущей роли партии” в обществе. В данном случае это было связано с отрицанием принципа, согласно которому права граждан зависели от исполнения ими долга по отношению к социалистическому государству и партии. В венгерской конституции 1972 г. этот принцип был выражен в следующей сильной формулировке: “осуществление прав неразрывно связано с исполнением гражданского долга”.³⁰ Протест против данного принципа, который разрабатывался также и для Польши, сигнализировал сопротивление советской трактовке, которая противоречила католическому и западному пониманию естественного права. Этот антагонизм впоследствии стал важнейшим камнем преткновения между Западом и Востоком, а на Востоке – между критиками режима и властями.

Помимо упрочения “дружбы” с СССР, советская гегемония реализовывалась в “брежневской доктрине”, т. е. в допущении лишь ограниченного суверенитета “братских государств” в случае внутренней опасности, которая всегда воображалась и представлялась как управляемая снаружи.³¹

2. Армия коалиции под советским командованием

Были и другие недоступные общественному контролю факторы, которые ограничивали суверенитет государств. В сталинское время это прежде всего аппараты госбезопасности, которые были сформированы и работали благодаря советской помощи. Об аппарате госбезопасности

²⁸ Georg Brunner, Boris Meissner (Hrsg.). *Verfassungen der kommunistischen Staaten*. Paderborn, 1979. S. 51, 55-57 (Болгария); S. 96, 100 (ГДР); S. 335, 344-348 (Польша); S. 356 (Румыния); S. 386 (цитата); S. 393-395 (СССР); S. 421-422 (ЧССР); S. 481-482 (Венгрия).

²⁹ Peter Raina. *Political Opposition in Poland 1954–1977*. London, 1978. Pp. 213-228; Adam Bromke. *Poland. The Protracted Crisis*. Oakville, 1983. Pp. 75-79; Helga Hirsch. *Bewegungen für Demokratie und nabhängigkeit in Polen 1976–1980*. Mainz, 1985. S. 33-38.

³⁰ Brunner, Meissner. *Verfassungen*. S. 490.

³¹ Boris Meissner. *Die “Breschnew-Doktrin”*. Köln, 1969.

и их вооруженных силах мы знаем меньше, чем о терроре, исходившем от них и управляемом ими, и о бесчисленных жертвах этого террора.³² Более подробно исследовано присутствие советских войск и – в сталинский период – советского вооруженного персонала непосредственно в составе вооруженных сил социалистических государств. Польская армия (Армия Людова), которая при завоевании Берлина понесла большие потери, была советским творением. После войны ее офицерский состав пополнился за счет бывших военнопленных, т. е. офицеров довоенной армии и Армии Крайовой. Но после 1948 г. советского маршала польского происхождения Константина Рокоссовского, который в свое время стал жертвой сталинских репрессий, назначили министром обороны и главнокомандующим польской армией. Вместе с ним многие высшие командные посты перешли к советским офицерам и генералам. Также и чехословацкая армия, в своем составе еще более разнородная, чем польская, “моделировала” себя по советскому образцу с помощью собственных функционеров и советских консультантов. Как и во всех армиях, это происходило через политический контроль и “чистки”, которые коснулись прежде всего “буржуазных” элементов, а затем и офицеров-коммунистов, многие из которых были участниками гражданской войны в Испании. В случае ЧССР репрессии затронули также словацких офицеров. Одновременно проводился интенсивный призыв в офицерский состав из низших социальных слоев. В 1960-х гг. уже можно было говорить о формировании “пролетарского” и формально “классово сознательного” офицерского состава. Конечно, большинство офицеров состояло в партии. Другим отличительным признаком вооруженных сил оставался тот факт, что солдаты были задействованы в различных “великих стройках” в качестве рабочей силы. Иногда армейские подразделения имели собственные сельскохозяйственные предприятия.³³

Так как служба в вооруженных силах была обязательной для всех и эти армии, особенно в Польше и Чехословакии, опирались на авторитет, обеспеченный успехами в годы Второй мировой войны, они,

³² Stéphane Courtois u. a. *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror*. München, 1998; см. также: Andrzej Paczkowski, Karel Bartosek, Włodzimierz Borodziej. *Gewalt in Volkspolen (1944–1989)* // *Osteuropa*. 2000. Bd. 50. № 12. S. 1364–1384; Persak, Kaminski. *A Handbook of the Communist Security Apparatus*.

³³ Condoleezza Rice. *The Soviet Union and the Czechoslovak Army, 1948–1983. Uncertain Allegiance*. Princeton, 1984; Jezy J. Wiatr. *The Soldier and the Nation. The Role of the Military in Polish Politics, 1918–1985*. Boulder, 1988; Jaruzelski. *Mein Leben*. S. 193 и след.

несмотря на советизацию, оставались с точки зрения Москвы ненадежными институтами, от которых сложно было ожидать решительного выступления против своих обществ. Насильственное утверждение власти коммунистических партий в 1947–1948 гг. опиралось скорее на вооруженные службы госбезопасности, дружинную милицию и полицию, чем на регулярную армию. Несмотря на это, Имре Надь в 1956 г. не объявил массовую мобилизацию венгерской армии против советской интервенции. Он подозревал, что Советы располагают информантами и связями в венгерских вооруженных силах. Только отдельные войсковые подразделения, солдаты и офицеры присоединились к восставшим. После 1956 г. венгерская армия была фактически выстроена заново, так как расценивалась советской стороной как абсолютно ненадежная.³⁴

Очевидно, что в польском кризисе октября 1956 г. Рокоссовский контролировал не все польские войска, и существовала реальная угроза конфронтации с вооруженными частями, предотвратить которую могли только выборы Гомулки первым секретарем партии. При введении войск стран Варшавского договора в Чехословакию собственные чехословацкие армейские части оставались в казармах отчасти из-за шантажа и физической угрозы министерства обороны и других руководящих военных чинов, а отчасти “добровольно”, так как сопротивление казалось бессмысленным. Чехословацкая армия даже немного помогала интервентам на уровне обеспечения логистики.³⁵

В Польше приведение в боеготовность войск в декабре 1981 г. ограничилось исполнением задач обеспечения безопасности и превентивным присутствием на главных улицах и площадях.

Поскольку советская сторона не была уверена в лояльности армий “братских стран”, техническое оснащение последних оставляло желать лучшего. В долгосрочной перспективе имело значение то, что стратегические и оперативные планы всех вооруженных сил Варшавского договора контролировались Москвой. Вацлав Прхлик, бывший руководитель политотдела в чехословацкой армии, ответственный за военные вопросы в ЦК, в 1968 г. жаловался, что все важные посты в объединенном командовании Варшавского договора заняты советскими генералами, а представители других стран в лучшем случае функционируют в качестве связных офицеров и не принимают участия в стратеги-

³⁴ Imre Okváth. Die Integration der Ungarischen Volksarmee in den Warschauer Pakt // Diedrich, Heinemann, Ostermann (Hrsg.). Der Warschauer Pakt. S. 175-184.

³⁵ Pauer. Prag 1968. S. 230-233.

ческом планировании.³⁶ Со времен размещения атомных боеголовок и ракетоносителей в Польше и Чехословакии в середине 1960-х гг. вопрос о расширении права голоса представителей “братских стран” являлся для советской стороны довольно чувствительным, еще более увеличивавшим дистанцию между гегемоном и союзниками. Хотя после 1968 г. значение таких институтов, как Политический консультационный совет возросло, это мало что изменило в субалтерном характере военных отношений. Следствием интервенции в Чехословакию стало постоянное размещение там советских войск, которое до этого отвергалось. Тем самым еще раз подтверждается тот факт, что западная граница ЧССР воспринималась как граница советской империи. Советская сторона, конечно, не упустила возможность легитимировать свои действия ссылками на советские жертвы за освобождение Чехословакии.

Можно утверждать, что размещение советских войск для “братских стран” было серьезной нагрузкой: потребности советских войск считались приоритетными, как и затраты на их размещение. Оружие, однако, должно было поставляться по ценам ниже мирового рынка. Его производство и поставка представляли собой золотую жилу для обогащения людей из высших коридоров власти.³⁷

Одно противоречие, тем не менее, очевидно: несмотря на явную инструментализацию вооруженных сил в системе советской империи, их престиж как символа национальной государственности оставался относительно высоким. В Польше с уважением относились также к армии Берлинга (1-я армия Войска польского) и коммунистическим героям сопротивления.³⁸ В Чехословакии интервенция 1968 г. и далеко не геройское поведение армии способствовали широкому распространению антивоенных настроений и признанию ценности гражданского сопротивления.

Если исходить из того, что армия является элементом современной государственности и суверенитета, то структура и функции вооруженных сил стран Варшавского блока свидетельствуют о фактической утрате ими суверенитета в пользу советского гегемона. Тот факт,

³⁶ Rice. *The Soviet Union*. Pp. 132-154; Frank Umbach. *Entwicklung und Zerfall des Warschauer Paktes 1955–1991*. Berlin, 2005. S. 184-189.

³⁷ Jaruzelski. *Mein Leben*. S.193; Maria Jarosz. *Macht, Privilegien, Korruption. Die polnische Gesellschaft 15 Jahre nach der Wende*. Wiesbaden, 2005. S. 245-246.

³⁸ Wiatr. *The Soldier*. Pp. 132-137; Klaus Bachmann. *Militär und militärische Tradition in Polen im Spiegel unveröffentlichter Meinungsumfragen 1959 bis 1989* // Diedrich, Heinemann, Ostermann. *Warschauer Pakt*. S. 149-174; Rice. *The Soviet Union*. P. 217.

что советское присутствие и влияние зачастую инициировались и поддерживались партийным руководством стран социалистического содружества в целях сохранения собственной власти, не меняет сути дела. “Имперская формация” США предпочитала, чтобы ее военное присутствие в Европе оформлялось через “приглашение” и чтобы фиксация контроля за ядерной кнопкой в Вашингтоне опиралась на многосторонний консенсус.³⁹ “Имперская формация” поначалу нищего и разрушенного войной СССР строилась на диктате. Диссонанс между амбициями и доступными ресурсами преодолевался посредством дисциплинирования кадров и насилия со стороны Советов. Еще в 1940–1950 гг. местные коммунистические кадры воспринимали себя больше как агентов “пролетарского интернационализма”, нежели как представителей национальных интересов. В классической формулировке Эдварда Охаба, министра внутренних дел Польши и в 1956 г. (краткосрочно) партийного секретаря польской объединенной рабочей Партии: “Коммунизм – это идеология и политика интернационального рабочего класса, который не может освободить себя сам”.⁴⁰

3. Советизация общества и повседневности

Определенно невозможно рассматривать аспекты советизации без учета роли партии и входивших в нее групп. Однако неправильно считать партии лишь исполнителями советских решений, даже в сталинское время. Такой подход оправдан в случае партийных элит, но не “партийных масс”. Независимо от индивидуального самоопределения и легитимации, внедрение монополии одной партии и единой политической программы являлись центральными элементами советизации. Верность ведущей роли коммунистической партии, которой постоянно присягали коммунистические руководства и которая в конечном итоге была зафиксирована в конституциях, со временем обрела несколько иное значение. Отношение между партией и остальной частью общества сложно охарактеризовать, поскольку партия проникала во все сферы общественной жизни. К тому же партии, как и социумы, претерпевали значительные изменения. Эта динамика напоминает способность хамелеона к изменению цвета и приспособлению, ведь партии не могут быть описаны вне контекста той среды, в которой

³⁹ David Reynolds (Ed.). *The Origins of the Cold War in Europe. International Perspectives*. New Haven, 1994. P. 7.

⁴⁰ Toranska. *Die da oben*. S. 37.

они действуют. Таким образом, каждый индивидуум независимо от того, состоял он в партии или нет, и независимо от пола и возраста, профессии и социального статуса вращался в сферах, так или иначе подчиненных партии. “Тоталитаризм” социалистических систем после 1956 г., каким его описывали критики и оппозиционеры, состоял как раз в вездесущности партии, от государственных учреждений до культурной сферы. При анализе этого феномена особое внимание в настоящей статье обращено на такие поля деятельности партии, как общественность, номенклатура и “партийные массы”.

ПАРТИЯ-ХАМЕЛЕОН

Главным полем, которым пыталась управлять партия, была общественность. Партия управляла (или как минимум частично контролировала) общественным дискурсивным полем, определяла основные политико-идеологические и культурные понятия и “сигналы”. Последние структурировали внутрипартийные дискуссии так же, как и образовательные программы в диапазоне от детских садов до университетов. Культура и наука были в различной степени зависимы от административных и идеологических установок партии и от предоставляемой ею степени свободы. Культурная и научная политика являлась результатом перманентного процесса согласования между “производителями” и функционерами. Без формального или неформального разрешения партийных инстанций мало что происходило.⁴¹

Так как с 1960-х гг. по примеру СССР все элиты в социалистических государствах входили в состав коммунистической партии, все решения и конфликты являлись предметом сложных процессов согласования, которые не сводятся к противостоянию между партийностью и экспертизой. Первоначальный радикальный моральный облик партийных товарищей сменили авторитарно-бюрократические модели поведения. При этом членство в партии имело различное значение для различных людей, хотя даже в таких “либеральных” странах, как Венгрия и Польша, от партийцев требовались сомнительные компромиссы и некоторая степень конформизма. Члены партии обладали большими привилеги-

⁴¹ György Péteri. *Academia and State Socialism: Essays on the Political History of Academic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe* (=East European Monographs 501). Boulder, 1998; Gábor T. Rittersporn u. a. (Hrsg.). *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs*. Frankfurt a. M., 2003; John Conelly. *Captive University. The Sovietization of East German, Czech and Polish Higher Education, 1945–1956*. Chapel Hill, 2006.

ями, чем другие группы населения, но партийная работа требовала много времени. Безальтернативность социалистической идеологии и монополия партии означали, что в школе и молодежных организациях молодежь должна была пройти “социалистическую” индоктринацию. Степень ее успеха зависела от индивидуального и неизбежно противоречивого опыта социалистической повседневности.

Сфера общественности была пронизана ритуалами и стандартной риторикой.⁴² Демонстративное отклонение от этих ритуалов, правил и стандартов влекло санкции. Так как со временем обязательные для всех государственные нормы и лозунги теряли правдоподобие, в интеллектуальных кругах внутри и вне партии распространились техники скрытого дистанцирования. В дружеском кругу эти практики могли выражаться в отрывом неприятия официальной идеологии и даже в оппозиции к ней. Вне узкого круга своих они сигнализировали конформизм. Эти распространенные прежде всего среди интеллигенции семантические шифры проявляли себя во множестве анекдотов, в многообразных подтекстах и амбивалентных посылах. Даже оппозиционные круги в Польше упрекали себя в “двуязычии” и в двойственном поведении, а польская социология вела речь о “поведенческой шизофрении”.⁴³

Главнейшим общественным форумом в социалистических обществах была партия, а ее члены – “политическим народом”. Среди населения они составляли 5-10 процентов, учитывая сильную текучесть кадров и изменения в кризисные времена. Претензию на то, что коммунисты – это партия рабочих, пытались подкреплять статистическими данными, в которых понятие “рабочий” неизбежно обретало расширительное толкование или речь велась о “трудящихся”.

⁴² Jan Kubik. *The Power of Symbols, Against the Symbols of Power. The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland*. University Park, PA, 1994; Pawel Sowinski. *Der 1. Mai als totalitäres Theater in der VR Polen (1949–1954)* // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1999. Bd. 48. H. 3. S. 350-381.

⁴³ См. противоречивые оценки этого типа поведения Стефаном Новаком (*Stefan Nowak*), Петром Вежбицким (*Piotr Wierzbicki*) и Адамом Михником (*Adam Michnik*) в: *Survey*. 1980. Vol. 25. No. 1. Pp. 115-117; 160-177, 178-185; Jadwiga Staniszkis. *On Some Contradictions of Socialist Societies: The Case of Poland* // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 31. No. 2. Pp. 167-187, здесь Pp. 178-180; Caroline Humphrey. *Remembering the “Enemy”. The Bogd Khaan in Twentieth Century Mongolia* // Rubie S. Watson (Ed.). *Memory, History and Opposition Under State Socialism*. Santa Fé, 1994. Pp. 21-44; для советского случая: Alexei Yurchak. *Everything was Forever, Until it Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton, 2006. Pp. 77-156, 238-281.

Партийные массы исполняли очень разные функции. По версии Ленина, который, как известно, считал основой партии рабочий класс, партии отводилась роль кузницы кадров для классовой борьбы. Партия (подобно профсоюзам) была связующим звеном с остальным населением, и партийцы отвечали за корректировку политики, если “авангард” слишком далеко отдалялся от нужд и сознания партийного базиса. Члены партии считались, кроме того, субъектами самовоспитания, поскольку они, как и пролетариат в свое время, были подвержены мелкобуржуазным девиациям и профсоюзной ограниченности (тред-юнионизму – на старом партийном жаргоне). Подобные представления о функциях членов партии сохранялись и после 1956 г., хотя прежние усердие и воинственный настрой исчезли. Еще со сталинских времен принцип “демократического централизма”, регулярные чистки и селекция кадров обеспечивали доминирование авторитарного, если не диктаторского стиля руководства и централизованного (сверху вниз) кадрового строительства. После 1953–1956 гг. уже нельзя говорить об абсолютном подчинении партийных масс партийному руководству – их взаимоотношения стали скорее асимметричными. Конкретные формы этих отношений зависели от коллективных поведенческих норм и политических традиций, которые сильно отличались от страны к стране. Кроме того, они менялись в связи с изменением социального профиля партийных членов. Мотивы получения партийного билета могли включать реальное рвение и веру (особенно в 1940–1950-е гг.), быть сугубо прагматическими и конформистскими, а иногда, особенно в 1970–1980-е гг., вступление в партию являлось следствием карьеризма и плохо скрываемого цинизма. Неоднозначность мотивов членства в партии особенно ярко проявлялось во времена кризисов социалистической системы, когда члены партии становились мотором реформ. Во всех случаях речь шла об освобождении из тисков “демократического централизма”, требовании демократических выборов в партии и институционализации плюрализма в обществе, т. е. о том, что официально звалось “ревизионизмом” и клеймилось как уступка империализму.⁴⁴

Сфера власти в социалистических странах определялась системой номенклатуры и строгой кадровой политикой. Следствием этого было

⁴⁴ Peter Gosztony (Hg.). *Der ungarische Volksaufstand*. München, 1981 (2. ed.); *Das Aktionsprogramm der Kommunistischen Partei der Tschechoslowakei* // Michael Csizmas (Hg.). Prag 1968. Dokumente. Bern, 1968. S. 43–121; David S. Mason. *The Polish Party in Crisis, 1980–1982* // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. Pp. 30–45.

включение партийных элит и высших функционеров в конгломерат учреждений с различными интересами и клиентами. Эти разнородные группы в идеале должны были управляться и координироваться центральными партийными инстанциями. В каждой стране существовали собственные методы и ритуалы, призванные демонстрировать “ведущую роль” партии и иллюзию единства народа, партии и партийной верхушки. В Румынии этому способствовал культ вождя, в Польше армия вмешивалась, когда партия уже не могла управлять страной; “нормализованная” Чехословакия и Венгрия варьировали модели потребительского договора, а в ГДР дисциплина поддерживалась с помощью техник (само)контроля. Во время кризисов 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии, 1980–1981 гг. в Польше культура, бюрократия, индустрия и даже армия “эмансипировались” от партии. Они требовали для себя большей свободы действий в рамках ограниченного плюрализма, в то время как партии отводилась роль духовного и политического лидера. В Польше армия, (местная) бюрократия и сейм завоевали определенную автономию от партии, что, правда, с трудом сочеталось с принципами социализма.⁴⁵

Даже если между 1950 и 1980 гг. структуры коммунистических партий оставались неизменными, социальный профиль партий, партийных масс и номенклатуры претерпел за это время существенные изменения. Некогда бойцовский, плебейско-пролетарский облик этих партий сменился функционерским этосом среднего слоя, рассматривавшего благополучие и благостояние не как “буржуазные” ценности, а, напротив, как центральные легитимирующие принципы режима. Наряду с национализмом поиск компромисса и легитимации своей власти нашел отражение в таких феноменах, как потребительский пакт и “гуляш-коммунизм”.

Семья

С 1930-х гг. семья была признана в Советском Союзе базисом и “ячейкой” общества и государства. Это утвердилось только в той степени, в какой семья функционировала как социальная инстанция, уполномоченная партией и государством. Вместо буржуазной и патриархальной семьи должна была появиться формация, в которой между

⁴⁵ Pauer. Der Einmarsch. S. 22-33; Takayuki Ito. Nomenklatura in Polen Die Kontroverse um ein Hauptinstrument politischer Kontrolle der Gesellschaft. (=Sonderveröffentlichung des BOIST Dezember 1983). Köln, 1983; August Pradetto. Bürokratische Anarchie. Der Niedergang des polnischen “Realsozialismus”. Köln, 1992.

мужчиной и женщиной царило бы равноправие. Семья была важна для воспроизводства народа и отвечала за воспитание детей и молодежи в духе социализма. Вследствие постоянной нехватки рабочей силы в плановом хозяйстве женщины были вынуждены работать наравне с мужчинами. За мужчинами оставался долг исполнения военной обязанности. Использование женской рабочей силы представлялось в равной степени как эмансипаторская реализация права на труд и как исполнение обязательств перед государством. Как и в довоенном Советском Союзе, в социалистических странах после 1945 г. внедрялась модель семьи “двух кормильцев”, один из которых был еще и домохозяйкой (Karen Hagemann).⁴⁶ Облегчить женскую участь должны были детские ясли, сады, школы и учреждения досуга для детей и молодежи.⁴⁷

До 1960-х гг. всеобъемлющая социализация детей и молодежи в образовательных учреждениях считалась желанной целью, что объяснялось недоверием к семье как институту с отчасти буржуазными, а отчасти провинциально-патриархальными пережитками досоциалистического времени. Однако, поскольку государство и партия не справлялись со всем спектром финансовых и организационных проблем детского воспитания, семья вновь обрела статус положительной социальной инстанции и вышла на первый план государственной политики. Это не означало отказа государства и партии от политики попечения семьи и особенно женщин и молодежи. Как работающие и зарабатывающие граждане женщины участвовали в общественной работе и получали помощь со стороны предприятий. Членам семей и матерям предоставлялась государственная помощь в различном масштабе, и все эти меры оформлялись в законах об охране материнства. Из-за постоянного дефицита и прочих бытовых сложностей, а также фактически двойной загрузки женщин на работе и дома нормой стало сотрудничество нескольких поколений в общем домохозяйстве – в деревнях так же, как и в городах. Совместное проживание поколений объяснялось прежде всего повсеместным дефицитом жилого пространства. Женщины, которые рано уходили на пенсию, принимали на себя основной груз работы по дому – от присмотра за детьми и стояния в очередях до “организации” (добывания) того или иного дефицитного

⁴⁶ Цит. по: Natali Stegmann. Die Aufwertung der Familie in der Volksrepublik Polen der siebziger Jahre // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2005. Bd. 53. H. 4. S. 526-544, 530.

⁴⁷ В случае Польши см. Diariusz Jarosz. *Polacy a stalinizm 1948–1956*. Warszawa, 2000 (главы III и V).

товара.⁴⁸ Дисфункции государства и рынка компенсировались семьями, в особенности юными и пожилыми женщинами.⁴⁹

Ввиду распределения задач между общественными организациями (фабриками, госучреждениями) и семьями возникло тесное сплетение между общественными и частными сферами, но также и специфические проблемы. Эти отношения развивались в течение десятилетий по-разному. Если в Румынии с ее репрессивной политикой, направленной на повышение рождаемости, можно говорить практически об “огосударствлении” женского тела,⁵⁰ то в Польше партия конкурировала с католической церковью за влияние на женщин. Ввиду экономических кризисов государство перенесло на семьи даже больше задач, чем это предусматривала социалистическая модель. Это позволяло церкви с определенной долей убедительности пропагандировать свой образ семьи и женской роли в ней (в том числе благодаря систематическому и очень действенному обращению к культу Мадонны). В Польше семья стала убежищем и сферой защищенности, почти как дача или халупа в Советском Союзе и Чехословакии. По сравнению с остальными социалистическими странами число разводов в Польше оставалось низким, чего, однако, нельзя сказать о статистике аборт.⁵¹

АТОМИЗИРОВАННЫЕ ОБЩЕСТВА?

К середине 1960-х гг., т.е. к концу трансформационной и мобилизационной фаз, общественные структуры укрепились до такой степени, что профессиональные перспективы, статус и материальные блага распределялись через партию и “по знакомству”.⁵² Недостаток про-

⁴⁸ Katherine Verdery. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, 1996. Pp. 39-57.

⁴⁹ Stegmann. *Die Aufwertung*; Susan Zimmermann. *Wohlfahrtspolitik und staatssozialistische Entwicklungsstrategie in der “anderen” Hälfte Europas im 20. Jahrhundert* // Idem., Gerhard Melinz (Hrsg.). *Sozialpolitik in der Peripherie. Entwicklungsmuster und Wandel in Lateinamerika, Afrika, Asien und Europa*. Wien, 2001. S. 211-237; Brunnbauer. *Die sozialistische Lebensweise*. S. 475-605.

⁵⁰ Verdery. *What was Socialism*. Pp. 61-82.

⁵¹ Jan Rydal. *Sacrum Poloniae Millenium* // Emil Brix, Hannes Stekl (Hrsg.). *Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa*. Köln, 1997. S. 231-250; Basile Kerblay. *Sozialistische Familien* // André Burguière u. a. (Hrsg.). *Geschichte der Familie*. Bd. 4: 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1998. S. 91-135.

⁵² Włodzimierz Brus u. a. (Hrsg.). *Polen – Symptome und Ursachen der politischen Krise*. Hamburg, 1981. S. 116-138; Melanie Tatur. *Solidarnosc als Modernisierungsbewegung. Sozialstruktur und Konflikt in Polen*. Frankfurt a. M., 1989. S. 72-77, 85-89.

зрачности в обществе, экономике и политике и дефицит, порожденный распределительной экономикой, благоприятствовали возникновению неформальных сетей. Они дополняли деятельность официальных институтов и в любом случае могли противодействовать им или дискредитировать их. Обычной практикой 1970-1980-х гг., и не только в Польше, было злоупотребление государственной системой распределения со стороны функционеров в целях личного обогащения.⁵³ На данный момент существует целый ряд исследований неформальных политических и социальных сетей в СССР. Они сложились уже в сталинские времена в политическом руководстве в Москве и в регионах, а также в отношениях с восточноевропейской клиентурой. Неформальные сети были важны и в повседневной жизни населения, служа обмену и приобретению желаемых, но дефицитных товаров, услуг и информации. Эти товары не покупали, а “доставали”, “выколачивали”. В Советском Союзе такая форма обменных отношений определялась термином “блат”,⁵⁴ в ГДР их обозначали как “социалистические отношения”. Сети неформальных знакомств и семейных союзов взаимопомощи определяли повседневную жизнь “маленького человека”. Отсутствие компетентности и злоупотребления властью со стороны бюрократических учреждений и партийных инстанций способствовали почти фундаментальному недоверию и раздражению, направленному на все виды политических отношений. Это недоверие коснулось даже движения “Солидарность” в Польше, как только оно вступило в переговоры с властью имущими.⁵⁵

Социологи, изучавшие отношение польского населения к государству, писали о “пробеле идентичности” или промежуточном вакууме. Дихотомическое мышление значительной части населения как бы не требовало институтов – союзов, объединений, обществ и организаций, которые бы служили посредниками между государством и населением. Польское общество характеризовалось исследователями как “федерация первичных групп”, т.е. семейных связей и знакомств.⁵⁶

⁵³ Jacek Tarkowski. Patronage in a Centralized System. The Case of Poland // *International Political Science review*. 1983. Vol. 4. No. 4. Pp. 495-518; Brus. Polen. S. 81-85, 91-99; Maria Los (Ed.). *The Second Economy in Marxist States*. Basingstoke, 1990.

⁵⁴ Alena Ledeneva. *Russia's Economy of Favour: Blat, Networking and Informal Exchanges*. Cambridge, 1998.

⁵⁵ Tatur. *Solidarnosc*. S. 151-158; Jadwiga Staniszkis. *Dynamik des Arbeiterbewusstseins* // *Journal für Sozialforschung*. 1982. Bd. 22. H. 1-2. S. 93-114.

⁵⁶ Stefan Nowak. *Wertvorstellungen der Polen* // *Journal für Sozialforschung*. 1982. Bd. 22. H. 1-2. S. 71-92, 88 (цитата); Idem. *Die polnische Gesellschaft in den achtziger*

В Польше, и в меньшей степени в Венгрии и Чехословакии, оппозиционные группы и альтернативные субкультуры пытались заполнить промежуточный вакуум. Их деятельность, полулегальная и нелегальная литература должны были восстановить общество. В Польше многие из этих групп жили мифом и пафосом “гражданского общества” (*społeczeństwo*), противопоставляемого мнимому дуализму прошедшей советизацию государственной и партийной машины и атомизированного населения. Попытки разбить этот дуализм в 1950-е гг. включали ревитализацию “настоящего” социализма и идеал социализма “с человеческим лицом” (в Чехословакии). Эти попытки потерпели неудачу. В дальнейшем при легальном и полулегальном использовании государственных ресурсов возникли структуры гражданской общественности в рамках свободной от власти общественной сферы. Это были объединения по защите гражданских и гуманитарных прав, занимавшиеся культурной деятельностью “летучие университеты” в Польше, рынок самиздатовской, неподцензурной книжной продукции, называвшийся в Польше “вторая циркуляция” (*drugi obieg*) и т.п. Предполагалось, что таким образом осуществляется общественное давление на партию, которое побудит ее к реформам и сохранит свободу действий для общества.⁵⁷ Кроме того, в Польше католическую церковь тоже воспринимали как основополагающую часть гражданского общества. Оппозиционные движения в Центральной Европе были политически очень активными, хотя и пытались скрыть это. Они не ограничивались, как диссиденты в Советском Союзе, протестом морального характера и требованиями соблюдения прав человека, а проектировали альтернативные модели функционирования общества и государства.⁵⁸

Jahren – Versuch einer Diagnose des gesellschaftlichen Bewusstseins // Gerd Mayer, Franciszek Ryszka (Hrsg.). Die Kultur Polens. Tübingen, 1989. S. 70-104.

⁵⁷ Jacek Kuron. Reflections of a Program of Action. November 1976 // The Polish Review. 1977. Vol. 22. No. 3. Pp. 51-69; Marc Rakowski. Towards an East European Marxism. London, 1978; Robert Luft, Milos Havelka, Stefan Zwicker (Hrsg.). Zivilgesellschaft und Menschenrechte im östlichen Mitteleuropa. Tschechische Konzepte der Zivilgesellschaft im historischen und nationalen Vergleich. München, 2007; Justyna Blazejowska. Papierowa rewolucja. Z dziejów drugiego obiegu wydawniczego w Polsce 1976–1989/90. Warszawa, 2010.

⁵⁸ Rudolf L. Tökes. Opposition in Eastern Europe. London, 1979; Dietrich Beyrau, Wolfgang Eichwede (Hrsg.). Auf der Suche nach Autonomie. Kultur und Gesellschaft in Osteuropa. Bremen, 1987; Forschungsstelle Osteuropa (Hg.). Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre. Bremen, 2000.

Социологическая модель промежуточного вакуума, “пробела идентичности” или “молчания” в диктатуре развивалась в том числе под воздействием концепции тоталитаризма Ханны Арендт. Эта модель применительно к теме атомизации общества в условиях тоталитарной диктатуры дебатруется и по сей день.⁵⁹ Дефицит возможностей артикуляции (афазия) вне политического дискурса еще не создает вакуум идентичности. Мышление и деятельность могут происходить вне политических моделей идентификации, они непоследовательны и парадоксальны не только в посттоталитарных обществах.⁶⁰ Польская социология в свое время исходила из того, что в рабочей идентичности произошло “отчуждение языка” – казенный бюрократический язык во-брал в себя социалистически ориентированный язык рабочего класса. Опека со стороны партии предотвратила накопление политического опыта, что повело за собой застывание в дихотомическом, морализаторском мировоззрении. Апелляция к католическому и национальному символическому репертуару однозначно описывалось как анти- или дополитический феномен.⁶¹

Представление о промежуточном вакууме противоречит тому, что мы знаем о роли неформальных отношений и сетей с характерными для них специфическими практиками обмена. Общества и институты были пронизаны ими не только “сверху”, но и “снизу”, например на предприятиях, хотя здесь, конечно, они приносили меньший доход, чем в высшем и среднем звене. Они функционировали в сфере между политикой, экономикой и повседневностью. Здесь могли формироваться настоящие коррупционные сети. Их деятельность, эволюция и сила их влияния, так же как и техники самосохранения, стали известны широкой общественности при переходе к рыночной экономике.⁶²

⁵⁹ См. критику Sheila Fitzpatrick, Michael Geyer (Eds.). *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge, 2008, особенно статьи Sheila Fitzpatrick, Alf Lüdtke, Jochen Hellbeck и Peter Fritzsche.

⁶⁰ Для описания постсоветского пространства тоже применяется парадигма вакуума идентичности: Serguei Oushakine. *In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia* // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. Pp. 991-1016; cp. Mikhail N. Epstein. *After the Future. The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture*. Amherst, 1995.

⁶¹ Rudolf Jaworski. *Geschichte und Tradition im gegenwärtigen Polen* // *Leviathan*. 1984. Bd. 12. H. 3. S. 295-307; Anna Niedzwiedz. *Obraz Matki Boskiej Czeszochowskiej w kregu mitologii narodowej* // Bogumil Grott (Red.). *Religia i polityka*. Kraków, 2000. S. 75-85.

⁶² Hans-Herrmann Höhmann (Hg.). *Eine unterschätzte Dimension? Zur Rolle wirtschaftskultureller Faktoren in der osteuropäischen Transformation (=Analysen zur Kultur und*

4. Между задолженностью перед Западом и советской гегемонией

Дефицит в системе плановой экономики с 1956 г. стал предметом общественных дискуссий, в особенности во время политических кризисов и перемен. Критики указывали на проблемы управления плановыми органами, а также на то, что аккумуляция государственной власти бессмысленна в странах с небольшими политическими амбициями. Возникли концепции “мягких” планов и накопления ресурсов на предприятиях (и в семьях), заговорили об “информационном тумане”, т.е. о блокировании информационного обмена между плановыми и исполнительными инстанциями, об отсутствии закономерностей между планированием и производством, о неуклонно возрастающих проблемах с распределением продукции и о конъюнктурных циклах, которые были частью планирования.⁶³

Начиная с 1956 г. и особенно с начала 1960-х гг. эти проблемы обсуждались более или менее открыто, и в этих дискуссиях принимали участие Владимирж Брус, Оскар Ланге, Янош Корнай, Режё Ньерш, Ота Шик, Е. Г. Либерман и многие другие экономисты. К началу 1960-х гг. попытки реформ наблюдались почти во всех странах Восточного блока. Они не имели в виду отмену принципа национализации экономики, но подразумевали создание альтернативных либо дополнительных механизмов стимуляции рынка, более эффективного технократического управления и “демократизацию” планового хозяйства.⁶⁴ Они экспериментировали с различными вариантами сочетания планирования и стимулирования производства. При этом, как в случае югославского типа самоуправления, использовалась классическая модель Советов. Ее историческое обоснование усматривали, с одной стороны, в демо-

Gesellschaft im östlichen Europa, Bd. 9). Bremen, 1999; Stephen Kotkin, András Sajó (Eds.). Political Corruption in Transition. A Sceptic's Handbook. Budapest, 2002; Antoni Z. Kaminski, Bartłomiej Kaminski. Korupcja rządów. Państwa pokomunistyczne w dobie globalizacji. Warszawa, 2004. S. 125-153; Maria Jarosz. Macht, Privilegien, Korruption. Die polnische Gesellschaft 15 Jahre nach der Wende. Wiesbaden, 2005. S. 245-246, 256-267.

⁶³ Jacek Kuron, Karol Modzelewski. Monopolsozialismus. Offener Brief an die Polnische Vereinigte Arbeiterpartei. Hamburg, 1966; János Kornai. Economics of Shortage. Amsterdam, 1980; Michael Masuch. Kritik der Planung. Naturwüchsigkeit und Planung im realen Sozialismus. Darmstadt, 1981.

⁶⁴ Karl C. Thalheim, Hans-Hermann Höhmann (Hrsg.). Wirtschaftsreformen in Osteuropa. Köln, 1968; Włodzimierz Brus. Geschichte der Wirtschaftspolitik in Osteuropa. Köln, 1986. S. 183-220, 279-319.

кратии советов, как она существовала в России 1917 г., а с другой – в “народной демократии” в 1945–1946 гг. в Польше, Чехословакии и Венгрии, когда коммунисты и социалисты этих стран использовали различные формы корпоративного голосования и организации советов для привлечения или политической мобилизации своих приверженцев. В 1956 г. к этой модели обратились Польша и Венгрия,⁶⁵ в 1967–1968 гг. – Чехословакия,⁶⁶ в 1980–1981 гг. – снова Польша в рамках концепции самоуправляющихся предприятий⁶⁷ и позднее, на короткий период во время перестройки, – СССР. Все обозначенные выше кризисные моменты сопровождались оживлением и распространением социалистических мифов о “демократии советов”. Партии обращались к начальным этапам своей деятельности, противопоставляя их современному положению дел, т. е. господству коррумпированной, скомпрометированной и некомпетентной властной верхушки.

Экономические реформы в Польше так и не пошли. Инициированные в 1960-е гг. в Чехословакии, СССР, Венгрии и ГДР реформы также окончились ничем, так как высшее политическое руководство и в еще большей степени разросшийся центральный и региональный партийный аппарат стремились сохранить свои руководящие позиции.⁶⁸ Вместо внутренних реформ Советский Союз реализовывал вариант стимулирования собственной экономики посредством импорта западных технологий. “Братские страны” могли последовать примеру гегемона. Как следствие, начиная с 1970-х годов во внешней торговле всех стран

⁶⁵ Bill Lomax. Hungary 1956. London, 1976. Pp. 147-169; Thadden. Krisen in Polen. S. 94-96.

⁶⁶ Robert K. Evanson. Regime and Working Class in Czechoslovakia 1948–1968 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. No. 2. Pp. 248-268; Peter Heumos. Stalinismus in der Tschechoslowakei. Merkmale, Forschungslage und sozialgeschichtliche Anmerkungen am Beispiel der Industriearbeiterschaft // Journal of Modern European History. 2003. Bd. 1. H. 2. S. 1-30; Vladimir Fisera (Ed.). Worker's Councils in Czechoslovakia 1968-1969. Documents and Essays. London, 1978.

⁶⁷ Jaime Reynolds. Communists, Socialists, and Workers: Poland 1944–1948 // Soviet Studies. 1978. Vol. 30. Pp. 516-539; Viktoria Grevemeyer-Korb. Die polnische Diskussion um die Arbeiterräte. Berlin, 1978; Szymon Jakubowicz. Wer rettet Polens Wirtschaft? Das Ringen um die Arbeiterselbstverwaltung. Freiburg, 1989; Tatur. Solidarnosc. S. 163-175.

⁶⁸ Hans-Hermann Höhmann. The East European Economic Reforms in the Seventies: Policy by Default (Berichte des BOIST 1981, 7). Köln, 1981; Paul G. Lewis. Political Authority and Party Secretaries in Poland 1975–1986. Cambridge, 1989; Ivan T. Berend. Central and Eastern Europe, 1944–1993. Detour from Periphery to Periphery. Cambridge, 1996. Pp. 136-138, 146-152.

социалистического блока выросла доля Запада и так называемого “третьего мира”.⁶⁹ Возросший импорт Советский Союз мог оплачивать благодаря мировому нефтяному кризису 1973 г. и высоким ценам на нефть, золото и другое сырье. Большинство восточноевропейских стран также сделали ставку на расширение торговли с Западом. В Польше и Венгрии эта политика означала дотирование сельского хозяйства и обеспечение населения товарами широкого потребления.

Значительным подъемом благосостояния населения ознаменовались 1960–1970-е гг. Запад восторгался “гуляш-коммунизмом” Кадара в Венгрии. Польша занимала второе место в Европе по обеспечению населения питанием.⁷⁰ Кроме того, казалось, что разрыв между экономическим уровнем Западной и Восточной Европы сокращается.⁷¹ Но “государство всеобщего благосостояния”, каким оно начинало формироваться в социалистических странах Европы и в СССР, требовало слишком много ресурсов и сокращало возможности управления социалистических режимов. (Вскоре и на Западе государство всеобщего благосостояния оказалось в кризисе.) Реальные последствия профинансированного в кредит экономического роста отличались от предполагавшихся изначально: кредиты шли в первую очередь не на технические инновации и увеличение производительности труда, а на обеспечение потребления и были истощены бюрократическим расточительством и плохим хозяйствованием. Западный рынок сбыта товаров, произведенных в социалистических странах с помощью западной технологии, оказался проблемным из-за конъюнктурных изменений на Западе. К тому же стоимость кредитов возрастала.

Огромная задолженность перед Западом с начала 1970-х гг. переросла в системный кризис, особенно заметный в Польше. В отличие от других стран, о кризисе, его симптомах и его причинах здесь говорили открыто и, в отличие от Венгрии, принимали во внимание его политические аспекты. Структурные недостатки, обрисованные в польском докладе “Опыт и будущее”, имели важное значение для планового хозяйствования позднесоветского образца. В докладе речь шла о потере управляемости экономикой и дезинформировании политического центра, о недостаточной способности к инновациям в индустрии, о распространении теневой экономики и о деморализации населения.

⁶⁹ Andrew Janos. *East Central Europe in the Modern World. The Politics of the Borderlands from Pre- to Post-communism*. Stanford, 2000. P. 289.

⁷⁰ Janos. *East Central Europe*. P. 292.

⁷¹ Berend. *Central and Eastern Europe*. P. 230.

В подтексте доклада содержалась критика политической монополии партии, хотя полная монополия в те годы ей была уже не по силам.⁷²

Доклад не касался отношений с самым значительным торговым партнером Польши, Советским Союзом, и его требований к польской индустрии. Фиксация на СССР как на важнейшем торговом партнере привела к тому, что индустриальные стандарты социалистических стран не дотягивали до требований мирового рынка. Перефразируя популярный колкий комментарий, можно сказать, что к 1980-м годам Советский Союз кровью, слезами и потом достиг того уровня развития, который существовал в Германии в 1880-х гг. То же самое можно сказать о большинстве стран Центрально-Восточной Европы.⁷³

В 1970-х гг. невыгодная в долгосрочной перспективе структурная гегемония Советского Союза не означала, что он хищнически разграблял “братские страны”, как это было в 1940–1950-е гг. Наоборот, ради сохранения империи СССР нес убытки. На фоне растущего спроса на энергию Советский Союз снабжал своих социалистических партнеров нефтью и газом по ценам, ниже цен мирового рынка. Несмотря на это, нагрузка на экономики получателей этих нефти и газа была огромной. Если в 1974 г. за один миллион тонн нефти Венгрия заплатила 800 автобусов “Икарус”, то в 1985 г. – уже 8000.⁷⁴ Несмотря на сложности при расчете торговых и военных обязательств, большинство экономистов исходит из факта дотирования Советским Союзом его европейского “передового рубежа”.⁷⁵ В этом плане Восточная Европа находилась в двойной ловушке: она страдала от гегемонии Советского Союза и была зависима от него экономически как от поставщика нефти и важнейшего рынка сбыта для своей продукции. Одновременно росла задолженность социалистических стран перед Западом.

Еще до заката социализма о нем писали как о “костыле для догоняющего развития в периферийно-капиталистической среде”.⁷⁶

⁷² Brus. *Polen*. S. 50-187; Peter Galasi, György Sziráczi (Eds.). *Labor Market and Second Economy in Hungary*. Frankfurt a. M., 1985; Berend. *Central and Eastern Europe*. Pp. 267-272.

⁷³ Kenneth Jowitt. *The Leninist Extinction* // Daniel Chirot (Ed.). *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left*. Seattle, 1991. Pp. 74-99, здесь P. 78; Berend. *Central and Eastern Europe*. P. 195.

⁷⁴ Gati. *The Bloc*. P. 119; Berend. *Central and Eastern Europe*. P. 230.

⁷⁵ Janos. *East Central Europe*. Pp. 265-266, 307; Plaggenborg. *Handbuch der Geschichte Russlands*. S. 482; Idem. *Experiment Moderne. Der sowjetische Weg*. Frankfurt a. M., 2006. S. 313-323.

⁷⁶ Dieter Senghaas. *Von Europa lernen. Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen*. Frankfurt a.M., 1982. S. 305.

Многие экономисты и сегодня разделяют эту точку зрения, правда, оценки политического и экономического развития бывших советских республик – новых независимых государств и их восточно- и центрально-европейских соседей – становятся более осторожными. Периферия Европы демонстрирует диспропорциональный, управляемый извне рост, частичную пауперизацию и высокую степень коррупции. Это касается прежде всего постсоветских государств и стран Юго-Восточной Европы. Северные государства, от Балтии до Венгрии, пережили трансформацию быстрее, но и здесь присутствовали названные симптомы. Социализм для многих стран оказался долгим переходным этапом из одной периферийной ситуации в другую. Перед Второй мировой войной южные территории Центральной Европы были объектами прежде всего немецкой экономической политики. После 1939 г. весь этот регион стал объектом расхищения и расистских экспериментов немецкой военной машины. После 1945 г. освобожденные государства должны были подчиниться советской гегемонии, которая, хотя и оставляла им большую свободу действий, чем гитлеровский режим, и способствовала модернизационным процессам, тем не менее навязала ориентированную на центральную роль государства экономическую модель, пределы развития которой обозначились самое позднее к 1960-м годам. Политические режимы Центрально-Восточной Европы, несмотря на все попытки “коренизации”, тщетно пытались избавиться от своего происхождения в советском инкубаторе.

SUMMARY

In his article, Dietrich Beyrau explores the impact of the socialist hegemony imposed by the Soviet Union on the social and political regimes in Soviet-dominated Eastern Europe and the reverse impact of the periphery on the Soviet Union. The author relies in his account on published research literature and suggests his own frames of interpretation of these relations by creatively adapting the theory of Totalitarianism, postcolonial theory, the Marxist theory of monocapitalism, and Fordism. The article focuses on the period of restructuring of hegemonic and asymmetrical relations from 1953 through 1985, thus making a point about historical dynamics in the history of the Soviet Union and the “world system of socialism.” The article

starts with the period of the establishment of Communist control in Eastern Europe. The author claims that the consolidation of Soviet control in postwar Eastern Europe was aided by internal dynamics in these countries and by the double-edged appeal of Soviet-style modernity and nation-building. He also points out the very important factor of persistent (through the late 1960s) fear of the German threat. In the post-Stalinist period, relations between the Soviet Union and the East European periphery remained asymmetrical, but they ceased to be based on direct intervention and control. The party elites of the region gained some space for maneuver and dissent within the constraining framework of “friendship” between socialist countries, enshrined in constitutions adopted in the 1970s. If one shifts attention to the army and political policy, one, however, finds the retention and deepening of Moscow’s direct control over its East European satellites. Another aspect of the history of socialism involved party life beyond the sphere of the party elite responsible for the political course. The relations between the party and the state and economic apparatus varied in the countries of Eastern Europe, the general trend being the gradual emancipation of the state apparatus from control of the Communist Party. The author claims that study of the sociology of East European socialist societies beyond the model of totalitarian atomization still awaits researchers. Finally, the article treats the question of the economic efficiency of the planned economy, and East European debates on the partial introduction of market mechanisms and the welfare state, which influenced economic debates in the Soviet Union.